

работ по разделу синтаксиса, хотя она рекомендована была в свое время как общее учебное пособие. В числе учебных пособий почему-то не назван ни один из сборников упражнений по данному курсу и хрестоматия по истории русского языка С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова.

Полиграфическое исполнение книги в целом удовлетворяет современным требованиям, но при ее переиздании обязательно надо выправить некоторые шрифтовые погрешности (например, звуко сочетание *шт* в кирилловской азбуке передается в виде буквы «Ц», а в пособии оно изображается посредством буквы «пси» греческого алфавита, что может дезориентировать студента при воспроизведении звукового облика формы или слова древнерусского и старославянского языков). Знак слого-раздела вместо вертикальной прерывистой прямой черты составлен из непонятных начертаний.

К недочетам следует отнести непоследовательное употребление знака * (астериска) при реконструированных звуках, формах и сло-

вах (обычно в книге он дается только при первом примере, а рядом стоящие примеры не имеют его, что может создать впечатление, будто это реально зафиксированные в письменных текстах или существующие в живой речи формы).

Пособие Е. И. Янович оставляет хорошее впечатление прежде всего в содержательном плане: оно, с одной стороны, достаточно полно характеризует историю звукового и грамматического строя русского языка, его предысторию и отношение к другим родственным языкам, а с другой — компактно, невелико по объему, что особенно ценится студентами, еще не научившимися самостоятельно изучать сложную дисциплину по многим источникам. Серьезно поработав с этой книгой и над некоторыми дополнительными исследованиями по специальным вопросам, студент-филолог, несомненно, овладеет основами исторического подхода при изучении русского языка.

М. Г. Булахов (Минск)

М. В. ЛЯПОН. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТ.

К ТИПОЛОГИИ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ. М., НАУКА, 1986

Лингвистика текста — одна из самых молодых отраслей в современном языкознании, поэтому появление работы, посвященной внутритекстовым отношениям, весьма актуально. В монографии М. В. Ляпон представлено системное описание большого количества однопорядковых фактов, ранее существовавших раздробленно в сознании лингвистов и соответственно в лингвистических описаниях, где они занимали место среди союзов, частиц, наречий, вводных слов, вводных словосочетаний и предложений. Автор сумел убедительно показать, как осуществляется коммуникативная стратегия говорящего и эвристическая активность адресата, сколь многообразны ее проявления в рамках сложного предложения как представителя текста (отметим новизну подхода и к этой единице).

Умелое сочетание индуктивно-гипотетического метода с рядом конкретных исследовательских приемов, примененных в работе, обеспечило объективность и доказательность выдвигаемых положений, существенно обогащая теоретическую лингвистику и вооружаящих вузовского преподавателя новыми идеями и свежим материалом, о котором следует сказать особо. М. В. Ляпон выделила из мемуарных текстов самого различного характера группу тех, в которых хорошо просматривается личностное начало и широко представлена эвристическая активность мемуариста, стремящегося передать свои воспоминания как можно точнее. Осмысление этого материала с позиций марксистско-ленинского учения о коммуникативном назначении языка благодаря применению новейших методов анализа позволило автору вывести знание о релятивных элементах языка из «состояния научно-исследовательской неопределенности» (с. 13) и дать им строго обоснованное истолкование в теоретическом и прагматическом плане (см. гл. 1).

В монографии представлены такие фазы

эвристической активности, как, например, поиск версии (с моментами затрудненности), подбор более адекватных излагаемому версий, колебания между ними, предпочтение одной из них, последующее уточнение, — и все это с широким показом специализированных разнопорядковых средств языка, которыми оперирует говорящий, проводя в жизнь свою коммуникативную стратегию. Подробно раскрыта деятельность говорящего по отработке единой версии в различных планах, например градационная коррекция (восходящая и нисходящая), при описании которой автор определяет корни этого явления и интерпретирует градационные отношения как результат сравнительной оценки значимости сообщаемого, его истинности или адекватности избранной словесной формулировки сущности обозначаемого.

В книге трактуется особый вид внутритекстовых отношений и анализируется набор средств, служащих для их передачи. Гл. II посвящена реляционно-оценочным и метаязыковым свойствам вводных компонентов текста; в гл. III рассматриваются средства, вводящие факультативный комментарий, конкретизацию, толкование; главы IV—IX — это «Альтернатива», «Градация», «Обусловленность», «Уступительность», «Противительность», «Каузальность». Таким образом, автору удалось собрать традиционно сложившиеся разнопорядковые элементы языковой структуры, отличающиеся своей прагматичностью, и объединить их в большой и сильно разветвленный класс релятивов.

Монография содержит ряд новых положений. Среди них указание на принцип «взаимной семантической индукции», по которому взаимодействуют квалификатор и оцениваемый объект, сопровождающееся лингвистическим экспериментом, выявляющим изменения фокуса оценки, указание на «вербализацию контроля над вербализацией», показ ступеней конкрети-

зации альтернативы, взаимодействующей с временным значением, показ столкновения двух версий — априорной и актуальной — при уступительных парадоксах.

Следует подчеркнуть, что М. В. Ляпон везде предлагает собственно языковые интерпретации изучаемых явлений, подчеркивая, что в ряде случаев близость лингвистики и логики, вопреки ожиданиям, оказывается мнимой. В своем стремлении вскрыть языковую сущность релятивов она дает развернутый и глубокий анализ их функционирования, доходя до тончайших семантико-прагматических нюансов. Так, например, говоря о способности альтернативного релятива выражать одновременно идею тождества и разграничения, автор указывает на наличие новой информации во фрагменте, присоединяемом релятивом *то есть*, и находит три различных мотива, коммуникативно оправдывающих введение второго означаемого к одному и тому же означаемому. При рассмотрении релятивов, оформляющих градационные отношения, исследователь не только создает учение о трех сферах этих отношений и свойствах обслуживающих их релятивов, но и анализирует отличия между объектами, которые подвергаются градуированию в различных направлениях.

В результате читатель подходит к новому осмыслению процесса консолидации реляционных единиц в сфере синтаксиса и представлению о структуре релятивов «в виде иерархии разнокачественных поправок» (с. 196). Таким образом, цель исследования оказывается достигнутой. Трактатный в «Предисловии» как реальный акт текста «человек в языке» постоянно находится в центре внимания автора.

Вместе с тем отдельные положения книги представляются дискуссионными. Так, распределение информации по принципу «меньше — больше» или наоборот М. В. Ляпон считает результатом дотекстовой сравнительной оценки по трем названным ею параметрам значимости, истинности сообщаемого или адекватности формулировки. Однако определение «дотекстовый» применительно к такой сравнительной оценке вызывает некоторые сомнения. Представляется, что если бы оценка была произведена действительно до текста, вся эта процедура осталась бы «за кадром» и не получила своего отражения, как это имеет место в других предложениях мемуарной прозы, которые не содержат специальных релятивов, хотя какие-то коммуникативные дилеммы, возможно, возникали и при их написании. Очевидно именно в этих случаях мемуарист разобрался в своих стратегических (может быть, даже тактических) затруднениях действительно до текста, а релятивы *скорее, скажу больше* свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что сравнение и оценка совершаются уже в процессе создания определенного фрагмента текста, так сказать, в текущий момент изложения версии.

Л. В. САХАРНЫЙ. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ. ИЗД-ВО ЛГУ, 1985

Исследовательская манера лингвиста определяется обычно на основании выдвигаемых им гипотез, применяемой им методики и на основании языкового материала, который он выбирает для анализа. С этих позиций книга Л. В. Сахарного «Психолингвистические аспек-

Автор считает, что релятивы *право же, честное слово, воля ваша, хоть убедите* и т. п. способны вызвать ощущение неуверенности у адресата (см. с. 35). Но ведь говорящий употребляет их с целью подчеркнуть истинность высказываемого, убедить в своей правоте, используя *argumentum ad hominem*, и снять с его помощью неуверенность или прямое недоверие адресата. Жаль, что эти «спонтанные формы искренности» (с. 34) даны не в контексте, а лишь в перечне.

В некоторых случаях недостает авторского комментария. Так, на с. 96 сказано, что экспликативы типа *не говоря уже* о занимают полноправное место в составе функциональной группировки «градация значимости», поскольку они способны самостоятельно формировать градационные отношения. Далее следует серия примеров, но без семантической экспликации данного градационного отношения.

В отдельных случаях избираются выражения, с нашей точки зрения, не слишком удачные. Так, например, вряд ли стоило оценивать способность релятива *и* к позитивной и негативной квалификации как свидетельство прагматической «беспринципности» этой реляционной единицы (см. с. 67). Несколькими строками ниже «беспринципность» получает в скобках неотягощенный нежелательными ассоциациями синоним «индифферентность», вполне способный адекватно обозначить выделенный признак; на с. 68 фигурирует «принцип безответственности», определяющий прагматику *и*. Это выражение также представляется выпадающим из общего терминологического ряда.

Отметим перегруженность некоторых фрагментов текста необязательными кавычками, как, например, у слова «поддержку» в весьма обычном сочетании *находить поддержку* или у слова «действий», тем более что в предыдущем предложении упоминается стратегическое поведение говорящего, а поведение, в том числе и речевое, как раз и предполагает определенный ряд действий (см. с. 101 и др.).

Исследование М. В. Ляпон представляет собой важный вклад как в современную лингвистическую науку, так и в практику вузовского преподавания морфологии и синтаксиса. Укажем и на желательность использования материалов монографии при преподавании русского языка как иностранного, так как на продвинутом этапе обучения, когда освоена высококачественная лексика и правила построения простых предложений различной структуры, на первый план выдвигается проблема связывания предикативных единиц и построения текста с адекватным замыслом говорящего и притом оптимальным использованием различных релятивов.

Т. А. ТУЛИНА (Черкассы)

ты теории словообразования» может быть названа новаторской.

Оригинальным является прежде всего подход к словообразованию с точки зрения речевой деятельности, который позволяет при исследовании «учитывать огромное разнообразие

конкретных коммуникативных ситуаций и типов проявления закономерностей словообразования... учитывать их сложное динамическое, диалектическое единство на базе социального кода-языка, который является не только организованной по внутренним законам сложной структурой, но и динамическим аккумулятором опыта народа» (с. 4). Такой подход можно считать комплексным, так как Л. В. Сахарный учитывает помимо собственно лингвистической стороны взаимодействие психологической и социальной природы языковых явлений. Социальный и психологический аспекты языка тесно переплетены между собой: можно говорить о психосоциальной реальности языка, составной частью которой является реакция информантов, лежащая в основе экспериментального исследования Л. В. Сахарного.

Изучение образования и функционирования производного слова ведется в книге «от содержания к форме». В качестве основного метода исследования автор применяет ассоциативный эксперимент, считая, что «особенности механизма ассоциаций открывают принципиальные возможности использования специальных экспериментов для исследования процессов, связанных с функционированием коммуникативной номинации (особенно при изучении процессов осознания коммуникативной номинации)» (с. 13—14).

Лингвист-экспериментатор должен решить множество проблем, касающихся прежде всего организации опроса (неподготовленная речь или вопросник и т. д.). При ассоциативном эксперименте круг слов-ответов ограничивается заданием; при этом исследование ведется не для отдельных стимулов, а для группы стимулов, организованных в некоторую систему, что позволяет получить как абсолютные данные, характеризующие тот или иной стимул, так и относительные, характеризующие место такого стимула в системе и динамику самой системы.

Кроме того, экспериментатору следует продумать принципы отбора материала для анализа, обработки и интерпретации полученных данных; он должен определить социальную группу, возраст информантов (у Л. В. Сахарного это в основном студенты, школьники и дети дошкольного возраста), установить, какой статистической моделью он будет пользоваться. К сожалению, из-за ограниченности места описание экспериментов, обработка их результатов (при всей четкости формулировок задач, гипотез, выводов) даны слишком кратко. Впрочем, обращение к другим работам автора (см. сноска 1, 3, 6, 7, 14, 15 и др.) позволяет восполнить имеющиеся пробелы, расшифровать сказанное скороговоркой.

Экспериментальный анализ образования и функционирования производного слова — сравнительно новая область применения эксперимента. Назначение описанных в книге 10 ассоциативных экспериментов — наглядно показать основные закономерности процессов возникновения и функционирования производного слова в речевой деятельности (см. разд. 2 и 3). При этом производное слово рассматривается как тип коммуникативной номинации (см. разд. 1). При решении этих задач исследуется, в частности, влияние ситуации на характер процесса образования слова.

Устанавливая, с одной стороны, что показания информантов не всегда одинаковы: иногда ответы образуются легко и естественно, а иногда испытывают колебания в своих ответах,

проявляя большую осторожность и неуверенность (см., например, описание эксперимента «Восточник», с. 34—36), а с другой — что интуитивные реакции информантов не случайны, имеют постоянный характер, являются «социально устойчивыми» (см., например, эксперимент «Холодная вода»), автор пытается выявить условия и дать оценку расхождений в данных языковой интуиции (которая социально структурирована) и языкового поведения информанта (см. эксперимент «Дневник — вечерник»). Проблема неопределенности лингвистических решений давно и хорошо известна лингвистам. Одни лишь констатируют это явление, другие ищут аргументы в пользу того решения, которое кажется им наиболее правдоподобным и приемлемым, третьи (как Л. В. Сахарный) пытаются выяснить причины неопределенности лингвистических решений. С этой целью автор устанавливает условия реализации процесса речи (социальные, психические, ситуативные), а также факторы, оказывающие на них влияние.

К словообразованию автором удачно применены понятия актуального синтаксиса. По своим результатам особенно интересны эксперименты «Лощадник», «Восточник», выявляющие процессы создания в языке словообразовательной модели, под которой в аспекте речевой деятельности понимается «правило преобразования развернутой коммуникативной номинации в универб» (с. 52). Универбизация трактуется как «решение частной задачи при построении более крупной коммуникативной номинации» (с. 96), к которой может быть отнесен связанный текст. Отсюда становится понятным интерес автора к тексту с употребленным в нем универбом. Анализ такого текста демонстрирует «влияние контекста на стелен свертывания темы в универбе и на характер структуры универба» (с. 96). Универбизация квалифицируется как тип оформления конструируемой коммуникативной номинации в отличие от воспроизводимой коммуникативной номинации. В книге идет речь о «механизмах» (этот термин вообще типичен для психолингвистической литературы) универбизации (см. с. 33), однако было бы точнее говорить о способах создания универбов, а термин «механизмы» оставить для описания психофизиологических механизмов образования универбов. В этом случае следовало бы обратиться к помощи нейрофизиологии. Например, при интерпретации результатов экспериментов по словообразованию можно попытаться использовать некоторые утверждения венгерского нейробиолога Йожефа Хамори (см.: Долгий путь к мозгу человека. — М., 1985. — С. 105, 113).

Проблеме воспроизводимости, повторяемости, частоты употребления коммуникативной номинации в противоположность их конструируемости автор уделяет достаточно много внимания. Фактор повторяемости, частоты употребления отражает социальную значимость объекта и, следовательно, коммуникативной номинации, обозначающей этот объект. Частота употребления является признаком отнесения таких коммуникативных номинаций к их ядру, интерпретируемому как социальный код, знание которого более или менее обязательно для каждого носителя языка. Автор хорошо понимает всю сложность затронутых вопросов, трудность проведения границ между коммуникативными номинациями, относящимися к социальному коду и не относящимися к нему, что

зависит от вариантности языкового коллектива, от вероятностного характера осознания воспроизводимости коммуникативной номинации как всеми членами языкового коллектива, так и отдельным индивидом (см. с. 13).

Теоретические положения Л. В. Сахарного о вероятностном характере социального кода и о динамике оформления и осознания коммуникативной номинации созвучны (хотя автор пришел к своим выводам независимо и иным путем) учению М. Мамудяна о стабильности и вариативности языковой структуры, ее двойном измерении, под которым понимается частотность употребления и степень интеграции (см.: Мамудян М. Лингвистика. — М., 1985. — Гл. 6).

Психолингвистические исследования проблем словообразования, дополненные анализом материалов периодической печати, позволили автору, с одной стороны, подтвердить уже известные в области словообразования положения, с другой — выявить ряд интересных кон-

кретных результатов, заставляющих взглянуть по-новому на некоторые словообразовательные явления (см. эксперименты «Баран — баранина» и «Учительница»). Полученные результаты могут быть использованы в прикладных целях — в лексикографической практике при обучении русскому языку как иностранному, в информатике, в афазнологии и т. д.

Небольшая по объему, плотно написанная книга Л. В. Сахарного может рождать споры, вызывать сомнения в трактовке отдельных экспериментов или возражения против некоторых положений (например, против гипотезы о коммуникативной номинации как универсальной — надуровневой — динамической единице речевой деятельности), но одновременно она будит новые мысли, открывает новые возможности в исследовании словообразовательных процессов.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

Н. Б. ГВИШИАНИ. ЯЗЫК НАУЧНОГО ОБЩЕНИЯ (вопросы методологии). М., ВЫСШАЯ ШКОЛА, 1986

Книга Н. Б. Гвишиани посвящена проблемам языка научной коммуникации. Они особенно актуальны в век научно-технической революции, сопровождающейся «терминологическим взрывом» — порождением огромного количества новых терминов, отражающих новые научные понятия, растущей специализацией науки, приводящей порой к созданию «терминологического барьера» не только между смежными дисциплинами, но иногда и между различными отраслями одной дисциплины и наряду с этим интеграцией научного поиска, требующей преодоления междисциплинарных преград, в том числе терминологических.

Свою основную задачу автор видит в изучении языка лингвистической науки как методологически обусловленного метаязыка, находящегося в тесной зависимости от концептуальной базы данного направления исследований (с. 3). В проблеме языка научного общения она особо выделяет методологические аспекты: «В зависимости от того, как решается вопрос о предмете языкознания, о самой природе языка, метаязыки отдельных направлений могут быть едиными в плане методологии, при всем их различии на уровне конкретных единиц метаязыка, или могут существенно отличаться именно методологически, следствием чего являются трудности в установлении контактов между учеными, поскольку в этом случае отсутствует основа научного общения в виде единого метаязыка» (с. 3).

В первой части («Язык науки: онтология и эвристика») выявляются онтологические характеристики метаязыка, определяются связи между метаязыком лингвистического описания и языком-объектом, приводится ряд аргументов в пользу изучения метаязыка в соответствующем «метаречевом контексте». Под «метаречью» автор понимает «особую разновидность речи, которая возникает при общении ученых, изучающих те или иные свойства естественного языка» (с. 36) и в которой используются метаязыковые средства. Особое внимание уделяется функциональному стилю общенаучного языка как одному из аспектов метаязыка.

Вторая часть («Категории и понятия языкознания в металингвистическом освещении») посвящена выявлению специфических особенностей метаязыка лингвистических исследований в фонологии, морфологии, лексикологии и синтаксисе. Автор стремится обнаружить характерные черты метаязыковых систем, присущих различным течениям и направлениям языкознания (русскому и советскому языкознанию, дескриптивной лингвистике, неогумбольдтианству, генеративной грамматике). Конечной целью является установление каузальных связей между этими чертами и методологическими основами данных направлений.

В третьей части автор сужает сферу своего исследования до теоретических проблем английской филологии. Это прежде всего английская фонологическая традиция и ее метаязык, метаязык английских исследований в области грамматики современного английского языка. Кроме того, здесь, с одной стороны, прослеживаются преемственные связи, восходящие к известным трудам Г. Суита, а с другой — то принципиально новое, что отличает более поздние направления (например, просодическая школа Дж. Р. Ферса, грамматические исследования Р. Кверка и его соавторов).

Основные положения и выводы исследования резюмируются в «Заключении». В «Приложении» освещается ряд вопросов, связанных с международным научным общением на английском языке (проблема специализированного языка LSP — language for specific purposes и ESP — English for specific purposes). Кроме того, книга снабжена авторскими примечаниями, списком использованной литературы и предметным указателем.

Заслуга Н. Б. Гвишиани состоит прежде всего в разработке категории метаязыка лингвистического описания. Исходным постулатом концепции является признание единой природы метаязыка языкознания и языка-объекта. По мнению автора, язык лингвистики строится на основе тех же единиц, что и язык-объект, т. е. они «консубстанциональны». При этом метаязык, выступающий в качестве предмета металингвистики, рассматривается как сложное явление, одним из компонентов которого является терминология. Она анализируется не только